

Клубные встречи Веч. кино. - 1995. - 3/окт. - С. 7.

Владимир Качан — ведущий артист театра "Школа современной пьесы". Один из пяти (М. Миронова, Л. Полищук, М. Глузский, А. Филозов), кто состоит там в штате. До этого работал еще в трех московских театрах, в том числе у самого Эфроса, по личному приглашению мэтра. В 70-е годы пел в оркестре другого мэтра — уже отечественной эстрады, Леонида Осиповича Утесова, который всерьез прочил Володю в свои премники на эстраде. Это он в фильме "Звезда пленительного счастья" впервые озвучил песню, которая и по сей день на слуху у многих: "Не обещайте деве юной любви вечной на земле...". Первый компакт-диск, песни на стихи Леонида Филатова, вышел в декабре прошлого года. А недавно — кассетные альбомы "Прогулка с другом" и "Диалог — 30 лет", где Владимир — автор музыки и исполнитель. В планах — там же, в "Московских окнах" у Евгения Вдовина (есть такое предложение), выпуск другого диска: "Соседи по городу". Только в этом году побывал с театром на гастролях в Германии, Америке, Канаде, в Прибалтике.

этюдах. Вернулся домой, сдал на "отлично" экзамены в университет, на филфак, а через три месяца телеграмма из Москвы — в Щукинском объявлялся дополнительный набор, и меня туда звали... Опять приехал. А в училище конкурс 300 человек на место. Взяли троих: Нину Русланову, Александра Кайдановского и меня.

— **Вы с Филатовым учились на одном курсе...**

— Да. Только он и еще один наш общий друг, Боря Галкин, поступали в основном наборе. Жили в общежитии в одной комнате, потом снимали квартиру. Леня писал стихи, я сочинял музыку — ошеломляющий успех у сокурсников. Все начиналось с баловства вроде бы. Кто мог подумать, что песни наши с Леонидом я буду петь у самого Утесова, что появятся кассеты, компакт-диски.

— **До всего этого по Москве уже гуляли любовительские записи, сделанные на квартирах друзей...**

— Как же, помню. Одна из таких квартир была твоя.

— **Но у меня была своя корысть — ты и из моих стихов делал песни, теперь я этим хвастаюсь. Скажи, а ты сам не писал**

мосе, а на Земле взглянул на небо и упал в обморок.

— **Понимаю. Но спектакль получился действительно очень хороший. Драматические артисты поют оперными голосами, танцуют балет, замирая в эффектных статуйных позах, — по-настоящему уморительная пародия. Правда, я смотрела спектакль в другом составе. Том, где ты играешь с Филозовым и Полищуком. В зале хохот стоял просто гомерический... Новый сезон — новая премьера: "Миссис Лев"...**

— Хотя и называется постановка Бориса Морозова трагикомедией, но показана в ней настоящая трагедия двух замечательных людей: великого Толстого и его жены. Я играю в спектакле Черток — рокового для семьи Толстых человека. Мои партнеры по спектаклю Валентина Талызина и Лев Дуров, с которым через столько лет опять встретились на сцене. Очень ценю его не только как актера, но и человека. Вот уж кто умеет не нагружать окружающих своим плохим настроением...

— **Буквально — новый спектакль о жизни Толстых. А если взять шире?**

— О любви. Помнишь, в заключительном монологе Толстого — "Мы живем хорошо и радостно, когда любим..."? В жизни нет ничего важнее, чем любовь...

— **Ты любишь?**

— Конечно. И не только работу, хотя по натуре я великий лентяй. Люблю жену. Люда очень красивый человек. И не только внешне. Она — настоящий клад терпения и талантов. Умеет любить и сопереживать. Она так трогательно плачет над фильмами, особенно если в них все хорошо кончается. В такие минуты я испытываю особую нежность к ней... Люблю сына Глеба. Во многом похож на меня — на него тоже нельзя давить... Артистом быть не хочет. Пусть заканчивает школу, а там видно будет. Люблю читать детективы, из занятий спортом — плавание, вкусно поесть, но в этом приходится себя ограничивать, чтобы не терять форму. В общем — люблю. А значит, живу хорошо и радостно.

— **Ты по жизни часто ходил в отличниках, и в школе, и после нее. Но за что бы ты поставил себе двойку? И за что — пятерку?**

— Есть в жизни такая наука — терпение. Ее я никак не могу постичь. Не терпелив. И это обстоятельство не раз создавало мне неудобства в жизни. А пятерку — за то, что я никогда, ни при каких обстоятельствах, старался не терять своего лица. Не заискивал перед сильными, не суеился.

— **Что больше всего ценишь в людях?**

— Талант. В широком смысле слова: любить, дружить, детей воспитывать... Талант политика... Большой дефицит в нашей стране, хотя политиками считают себя многие. Это про них сказал еще Герцен в прошлом веке: "Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасать мир, спасти себя, вместо того, чтобы освободить человечество, себя освободить, как много они сделали бы для спасения мира и человечества..."

Встречалась
Ираида ПОТЕХИНА.

Владимир КАЧАН:

Я поставил бы себе двойку за терпение

— Володя, суперобложка твоей жизни яркая. А что за ней — мы знакомы больше 20 лет, и я знаю, что в твоей судьбе были не только аплодисменты...

— Конечно. Жизнь как жизнь: со взлетами и срывами; бесшабашная, грешная. И повергающая в уныние, и яркая, как фестиваль. Все, как у всех, но важно другое — суметь исполнить поручение.

— **Ты о чем?**

— Помнишь, у Баратынского: "Дарование — есть поручение, и его должно исполнить, несмотря ни на какие препятствия". У каждого свое поручение.

— **Твое — стать звездой?**

— Терпеть не могу эту помпезную формулировку успеха. Вечно мы перенимаем у американцев не лучшее... Настоящие звезды, астрономические, светят, понятия не имея, что они звезды. Виктора Астафьева как-то спросили, как он относится к тому, что его называют великим русским писателем. Приятно, говорит, но вдруг посмотришь на книжные полки, а там Пушкин, Гоголь, Чехов... и как-то успокаиваешься. Здорово сказано. Именно успокаиваешься.

Успех, популярность — все относительно, а применительно к нашим дням иногда и предосудительно. К примеру, в прошлом году самым популярным был Леня Голубков... Что же до меня, то я, как говорится, широко известен в узком кругу. Тех, в ком и в условиях рыночных отношений не исчезла потребность в романтике. А свои удачи оцениваю как еще одно продвижение по витку спирали, с которого я все как-то соскакивал многие годы.

— **Имеешь в виду то время, когда ты, хлопнув дверью, ушел из Театра на Малой Бронной, а потом из Театра Станиславского?**

— Да. Я ведь семь лет был вне театра до того момента, как стал работать у Иосифа Рейхельгауза в "Школе современной пьесы"...

— **Но почему ты уходил? У тебя, насколько по-**

мню, были хорошие роли, сильные партнеры: Лия Ахеджакова, Ольга Яковлева, Лев Дуров...

— Я с благодарностью вспоминаю то время и людей, с которыми работал. Но так уж я устроен: как только почувствую, что на каком-то этапе исчерпал себя, — все! Ничего не хочу! Надоело! Веду себя так, будто бросаю вызов всем, всему и себе тоже.

— **Уходил в никуда. Чисто славянская черта — рвануть рубаху на груди. А дальше что?**

— А дальше — тяжелейшие депрессии, когда само физическое существование виделось ошибкой. Но, зная, все не зря в этой жизни. Выкарабкивался. Где сам, где с помощью друзей. Выручали хорошие стихи, музыка, песни. Работал... Все-таки я никогда не ощущал себя только артистом. Скажу больше: вся актерская жизнь прежних лет не стояла той минуты, когда я впервые услышал записанными на студии свои песни на стихи Дидурова в сопровождении виолончели и двух гитар. Вот тогда-то спираль моей жизни и начала раскручиваться вверх.

— **Мог бы выбрать путь и полегче. Писал бы музыку на стихи известных поэтов, пел бы где надо.**

— Ну да. Результативна также в смысле быстрого продвижения в искусстве для масс и обретения материальных благ работа на "попсу" — "яблоки на снегу, ты им еще поможешь, я уже не могу". В том-то и дело, что нельзя мо-

литься одновременно и Богу, и Маммоне. Я сделал свой выбор. Никогда не пишу музыку на тексты, только на стихи. Настоящее искусство — это проповедь добра, сострадания, красоты и любви. Не скучное и назидательное нравоведение, а именно проповедь. От сердца к сердцу. Очень интимно. Не важно, кто ты: артист, поэт, композитор или певец — мы всего лишь средство доставки от Бога к Человеку. Когда это так — есть искусство.

— **Как известно, настоящее искусство сегодня не в лучшем положении.**

— Гордая птица фламинго даже в загоне зоопарка, шагая по дерьму, царственно держит голову. Ну а то, что искусство в загоне, уверен, — явление временное. Иначе долго и оскотиниться.

— **Володя, ваш театр недавно вернулся с гастролей по Прибалтике. Удалось ли тебе побывать в Риге — городе твоего детства?**

— Удалось. Покружил возле дома, где жил, школы, где мы вместе с Мишей Задорновым играли в одном драмкружке. Грустно и светло.

— **Расскажи, как ты оказался в Москве?**

— Все началось с приезда в Ригу Вахтаговского театра. С того, что я по совету своей преподавательницы отправился за кулисы к Владимиру Григорьевичу Шлезингеру. Почитал ему. Узнал, что у меня есть данные. Вскоре приехал в Москву поступать в Щукинское и... срезался на

стихов?

— Никогда. Но пристрастен к писательской работе...

— **Имеешь в виду эссе об Эфросе и статьи или есть что-нибудь еще?**

— С 90-го года в столе лежит недописанная повесть про артистов, про театральную жизнь, про любовь. Все некогда довести до ума.

— **Работа в новом театре отнимает много времени?**

— Не столько отнимает время, сколько всего меня. Я снова, как когда-то у Эфроса, работаю в театре с удовольствием. То есть интересен сам процесс создания спектакля, а конечный результат, когда уже зритель, когда премьера, как бы неважен.

— **Как ты оказался в этом театре? Когда?**

— 5 лет назад. В самый разгар моей работы над повестью — звонок художественного руководителя театра: "Предлагаю принять участие в спектакле "А чой-то ты во фраке?" В компании с Гурченко и Виторганом. На сцене, где поет Булат Окуджава, работает Сергей Юрский... Мог ли я отказаться? Конечно, дал согласие. У этого спектакля была большая пресса: "Известия", "Вечерняя Москва", "Куранты", "Московский комсомолец" — хвалили...

— **Не страшно было выходить на сцену после стольких лет и с такими партнерами?**

— Сразу — нет. А вот потом... Как в анекдоте про космонавта — летал, летал в кос-